

GUNS TO BUTTER: SOCIOTROPIC CONCERNS AND FOREIGN POLICY PREFERENCES IN RUSSIA ¹

Maria Snegovaya

George Washington University

ORCID: [0000-0002-7979-5672](https://orcid.org/0000-0002-7979-5672)

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2021.01.00009>

Abstract. Concerning the concept of “rallying around the flag,” scholars often argue that by invoking the danger of external threats in times of economic hardship, leaders can rally the public around the government in a way that would otherwise be impossible. Alternative streams of literature suggest that a darkening economic reality (“butter”) may weaken the impact of patriotic euphoria (“guns.”) The author conducted an experimental survey to measure changes in foreign policy preferences among respondents exposed to negative economic primes in Russia. In line with the earlier findings on this topic, the author’s analysis shows that participants who encounter negative economic primes report significantly less support for assertive foreign policy narratives. These results suggest that continuing economic strain may limit the Kremlin’s ability to divert public attention from internal problems through the use of assertive rhetoric.

Key words: rally around the flag, experiment, macroeconomic, militarism

ПУШКИ ИЛИ МАСЛО: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЯН ²

Мария Снеговая

Университет Джорджа Вашингтона

ORCID: [0000-0002-7979-5672](https://orcid.org/0000-0002-7979-5672)

Аннотация. Исследователи часто утверждают, что, переключив внимание населения с внутренних проблем на внешние угрозы, политические лидеры способны обеспечить себе высокую поддержку даже в экономически неблагоприятные времена (феномен объединения населения вокруг национального лидера во время кризисных ситуаций, которому дано название «rally around the flag»). Однако другие исследования,

¹ This article in our journal is available only in Russian. The English original was previously published as: Snegovaya, Maria. (2020). Guns to butter: sociotropic concerns and foreign policy preferences in Russia. *Post-Soviet Affairs* 36(3): 268–279. The article is published with the permission of Taylor & Francis Ltd, <http://www.tandfonline.com>.

² Этот текст является русскоязычной версией статьи, ранее опубликованной как: Snegovaya, Maria. (2020). Guns to butter: sociotropic concerns and foreign policy preferences in Russia. *Post-Soviet Affairs* 36(3): 268–279. Статья напечатана с разрешения Taylor & Francis Ltd, <http://www.tandfonline.com>.

напротив, показывают, что ухудшающаяся экономика может ослабить влияние патриотической эйфории на поддержку властей. Автор провела экспериментальное исследование с целью изучить, как внешнеполитические предпочтения россиян меняются в зависимости от их оценок экономической ситуации в стране. Проведенный анализ свидетельствует, что респонденты, которым была предоставлена информация об ухудшающейся экономической ситуации в стране, менее склонны поддерживать агрессивный внешнеполитический курс российских властей. Результаты показывают, что ухудшение экономической ситуации может ограничить возможности Кремля смещать внимание населения с внутренних проблем на внешние путем использования агрессивной внешнеполитической риторики.

Ключевые слова: *рост поддержки национальных лидеров на фоне внешних угроз и кризисных ситуаций (“rally around the flag”), эксперимент, макроэкономический, милитаризм*

«Пушки сделают нас сильнее, масло – всего лишь толстыми.»
Герман Гёринг, 1936 год (цит. по: Safire 1968)

1. Вступление

Исследователи часто используют дихотомию «пушки против масла» для обозначения стоящего перед политиками выбора между военными и социальными расходами: чем больше страна вкладывает средств в военный бюджет (производит больше «пушек»), тем сильнее ей приходится ограничивать потребление своих граждан («масло»). Если рост военного потенциала страны является приоритетом для властей, сохранить прежний (относительный) уровень потребительских расходов можно только в условиях экономического роста. Но при экономической стагнации или падении ВВП, когда общий рост экономики невозможен, государству приходится отдавать предпочтение «пушкам», а не «маслу». И цена такого подхода может оказаться непосильной. Чрезмерное инвестирование в наращивание военной мощи в ущерб социальным расходам сыграло значимую роль в распаде Советского Союза. Подобно Советскому Союзу, в последние годы Россия в своей внешнеполитической стратегии отдает приоритет «пушкам», а не «маслу». Страна вкладывает огромные средства в финансирование агрессивной внешней политики и наращивание военного бюджета (как на нужды министерства обороны, так и на обеспечение внутренней безопасности) за счёт снижения расходов на целый ряд внутригосударственных социальных и экономических программ, реализуемых в сфере здравоохранения, образования, пенсионной системы (Oxenstierna 2016).

Насколько население России поддерживает такую расстановку приоритетов правительством? В политических науках на этот счет существуют две точки зрения. Одна группа исследователей считает, что после аннексии Крыма россияне приняли

навязанную Кремлём великодержавную и антизападную риторику, и стали более индифферентными к экономической ситуации в стране. Это позволило Кремлю поменять социальный контракт с россиянами: перевести акцент с достижения экономического благосостояния на обеспечение высокого геополитического статуса России (Gurieiev 2016; Goble 2019). По этой логике, наращивание милитаристской риторики и увеличение военного бюджета помогает лидерам отвлечь внимание масс от внутренних экономических проблем, способствует объединению населения вокруг национального лидера во время кризисных ситуаций. Этот феномен получил в научной литературе название «rally around the flag» (Simmel 1955; Woodwell 2007; Kazun 2016; Sirotkina & Zavadskaya 2019). Например, в условиях ухудшающейся экономической ситуации, чтобы отвлечь внимание населения от экономических проблем и сплотить страну вокруг руководства, режим может начать т.н. «отвлекающую» войну (Oakes 2006: 454).

Однако, вторая группа исследователей ставит этот тезис под сомнение. Во-первых, доказательств существования феномена «rally around the flag» в России не так много (Frye 2019). Во-вторых, на фоне ухудшения экономической ситуации россияне демонстрируют всё меньшую склонность нести экономические издержки продолжающейся конфронтации с Западом (Sherlock 2019).

До последнего времени влиянию экономической ситуации в России на внешнеэкономические предпочтения россиян было посвящено мало научных работ. Данное исследование призвано заполнить этот пробел. Я провела экспериментальный опрос (survey experiment) в России, чтобы измерить, как меняются внешнеполитические предпочтения респондентов, которым была предоставлена информация об ухудшающейся экономической ситуации в стране, в сравнении с теми, которым была предоставлена информация об улучшении экономической ситуации. Результаты экспериментального опроса показывают, что респонденты, которым была предоставлена информация об ухудшающейся экономической ситуации в России, менее склонны поддерживать агрессивный внешнеполитический курс российских властей. В их глазах социальные расходы («масло») получают приоритет над военными расходами («пушки»). Полученные результаты говорят о том, что по мере ухудшения экономической ситуации недоверие россиян к милитаристской риторике властей будет нарастать. Это может ограничить возможности Кремля смещать внимание населения с внутренних проблем на внешние с помощью агрессивной внешнеполитической риторики.

2. Экономика и внешнеполитические предпочтения

Исследователи феномена увеличения поддержки национальных лидеров на фоне внешних угроз и кризисных ситуациях часто утверждают, что политики способны обеспечить себе высокую поддержку даже в экономически неблагоприятные времена, переводя внимание населения с внутренних проблем на внешние угрозы (Losman 1979; Rare 1997). Придумав «внешнюю» угрозу нации, политики добиваются сплочения населения перед лицом предполагаемого врага (феномен объединения населения вокруг национального лидера во время кризисных ситуаций, которому

дано название «rally around the flag»). Особенно склонны использовать такой метод поднятия рейтинга те лидеры, чей рейтинг стагнирует или падает (Coser 1956; Simmel 1955; Woodwell 2007). Соответственно, при прочих равных, можно предположить, что в периоды международных конфликтов избиратели будут меньше склонны обращать внимание на внутриэкономические проблемы и будут давать экономической ситуации в стране более благоприятную оценку, чем в мирное время (Parker 1995). Часть проведенных в России исследований подтверждают такой вывод. Например, Сироткина и Завадская (2019) показали, что рейтинг Путина выше среди тех респондентов, которым кроме информации об ухудшающейся экономической ситуации в стране также напоминают про присоединение Крыма. В последнем случае поддержка Путина почти удваивается.

Но альтернативные исследования показывают, что общественное мнение существенно ограничивает арсенал внешнеполитических возможностей, которыми располагают политические лидеры (Fearon 1994). В демократических странах участие страны в вооруженном конфликте дорого обходится политикам и, если конфликт выглядит необоснованным, они часто проигрывают выборы (Levendusky & Horowitz 2012; Morgan & Schwebach 1992; Potter & Baum 2010). Хотя в демократических странах электоральная стоимость участия в военных конфликтах обходится политикам дороже, авторитарные лидеры тоже (хотя бы отчасти) зависят от изменений общественного мнения: их выживание и политический успех как минимум частично определяются уровнем поддержки населения (Hale 2011; Svoboda 2012; Guriev & Treisman 2019). Соответственно, хотя в демократических странах реакция населения на ухудшение экономической ситуации будет более жесткой, подобную динамику можно наблюдать и в странах с авторитарными режимами.

Исследования, изучавшие связь между личной экономической ситуацией и поддержкой военных конфликтов, показали, что поддержка военных программ и инициатив, как правило, выше среди обеспеченных слоев населения (Converse & Schuman 1970; Patchen 1970). Например, во время войны во Вьетнаме наибольшая поддержка участия США в военном конфликте была именно среди материально обеспеченных американцев (Burriss 2008). Рассматривая это явление в контексте ситуации в России, Юдина (2015) показывает, что эффект единения вокруг национального лидера после аннексии Крыма был в значительной мере связан с положительной оценкой собственного финансового положения среди россиян. Хейл (2018) на проведенном в России экспериментальном опросе показал, что ухудшение личной экономической ситуации значительно ослабляет положительный эффект присоединения Крыма на поддержку Путина. Хейл и Алексеев (2020) также провели экспериментальный опрос, который показал, что информация об экономических трудностях, вызванных санкциями, снижает средний уровень доверия к Путину среди респондентов (хотя этот эффект проявляет себя не так ярко на фоне огромного роста его поддержки в связи с аннексией Крыма, которая, собственно, и привела к появлению экономических санкций).

Меньшее число исследований посвящено изучению влияния оценок макроэкономической ситуации на внешнеполитические предпочтения. Томз и Викс

(2013) провели опрос, в ходе которого спрашивали респондентов об их готовности поддержать участие США в вооруженном конфликте, если вероятность военных, экономических и дипломатических потерь для страны будет более 50%. Опрос выявил негативное, пусть и статистически незначительное, влияние этих факторов на поддержку военного вмешательства. Стойчефф и Нисбет (2016) выяснили, что участники, которым перед вопросом о вторжении в Крым дали более «милитаристский» подготовительный блок вопросов, выказывали большую поддержку участию в вооруженном конфликте, чем те респонденты, которым сначала задали вопросы, наводящие на размышления об экономической, военной и дипломатической цене вторжения на Крымский полуостров.

В современном мире государства все активнее прибегают к непрямым методам распространения своего влияния, используют нестандартные «гибридные» подходы (непрямые войны с использованием «прокси»-сил и поставками оружия, активные мероприятия) (Snegovaya 2015; Jennings, Fox, & Taliaferro 2018). Поэтому исследования внешнеполитических предпочтений избирателей в условиях экономического кризиса не должны ограничиваться изучением поддержки прямого военного вторжения. В данном исследовании я концентрируюсь на том, как поддержка пропагандируемых российскими властями милитаристских установок среди россиян зависит от оценок экономической ситуации. Ухудшение экономической ситуации должно существенно снижать поддержку милитаристских установок среди россиян. Однако количественные исследования этого вопроса до последнего времени отсутствовали.

3. Милитаристские установки, распространяемые Кремлем и основные гипотезы

Ситуация в России позволяет исследовать, как внешнеполитические предпочтения населения связаны с оценкой экономической ситуации в электоральных автократиях. Аннексия Крыма привела к патриотическому единению и консолидации россиян вокруг милитаристских нарративов, распространяемых Кремлем. Соответственно, поддержка российских властей взлетела до небес (Rogov 2016). Но по мере того, как последовавшая стагнация экономики становилась все более заметной, внешнеполитические предпочтения россиян стали меняться (Sherlock 2019).

Более десяти лет Кремль продвигал идею о возрожденной России при Путине, великой державе, которая находится в окружении сил зла и противостоит многочисленным внешним угрозам (Sherlock 2019). Такая риторика требовалась, чтобы вызвать патриотический энтузиазм среди россиян и укрепить внутреннюю власть президента Путина, его агрессивный внешнеполитический курс. Она также помогала ослабить политических оппонентов Кремля и скрыть социальные и экономические потери, вызванные злоупотреблениями и ошибками авторитарной власти (Trenin 2013; McFaul 2018). Для достижения поставленной цели пропагандистская машина Кремля внушала российскому обществу веру во враждебность Запада, которая угрожает возрожденной России. Контролируемое властью телевидение и учебники по истории все активнее пропагандировали

патриотические и националистические темы (Pomerantsev & Weiss 2014; Tsyrlina-Spady & Lovorn 2015; Sherlock 2019).

Особое внимание уделялось необходимости *наращивания военной мощи* России (увеличение военных расходов, возрождение военно-промышленного комплекса) в свете враждебной международной обстановки (Sperling 2003). Идеологические установки Кремля также «милитаризовали» и другие сферы жизни россиян: потребительские войны, «газовые» войны, информационные войны, культурное противостояние, споры, связанные с трактовкой исторических событий (Pomerantsev & Weiss 2014; Shevtsova 2015). Подобная идеологическая обработка привела к тому, что общественное мнение в России приобрело значительный милитаристский уклон (Kolesnikov 2015).

Еще одним довольно заметным явлением стало формирование нового восприятия российской идентичности, пропаганда *образа великого государства*, которое способно противостоять предполагаемым бесчинствам США, мировой сверхдержавы, на международной арене. Государственная пропаганда достигла своего пика после включения Крыма в состав Российской Федерации. Во время выступления в Крыму в марте 2014 года, Путин постоянно ссылаясь на историческую память и статус великой державы, вспоминая о блистательных успехах российской армии на полуострове и обращая особое внимание на важную роль Севастополя в отстаивании Россией своей стратегической независимости (Laruelle 2014). Согласно такой его трактовке, Соединённые Штаты одержали временную победу, воспользовались ситуацией, которая сложилась после развала Советского Союза, и временной утратой Россией великодержавного статуса. Соединённые Штаты предпринимали попытки воспрепятствовать возвращению России на мировую арену в качестве великой державы, чтобы не допустить появления противовеса американскому доминированию в системе международных отношений (Radin et al. 2019).

Аннексия Крыма помогла Кремлю обосновать проводимую военно-патриотическую мобилизацию населения страны. После аннексии Крыма, идеологические установки, продвигаемые Кремлем, вызвали широкий отклик у россиян. Причем большинство оценивало успехи во внешней политике как главное достижение властей (Gerber 2015). Поддержка агрессивных действий Кремля на международной арене (вторжение в Украину, противостояние с Западом) росла за счет способности российских властей мобилизовать патриотическое воодушевление среди россиян. Социологические опросы Левада-Центра показывают, что сразу после присоединения Крыма большинство россиян утверждали, что Россия является великой державой, и демонстрировали готовность пожертвовать собственным экономическим благополучием в пользу сохранения Россией великодержавного статуса (Levada Center 2015).

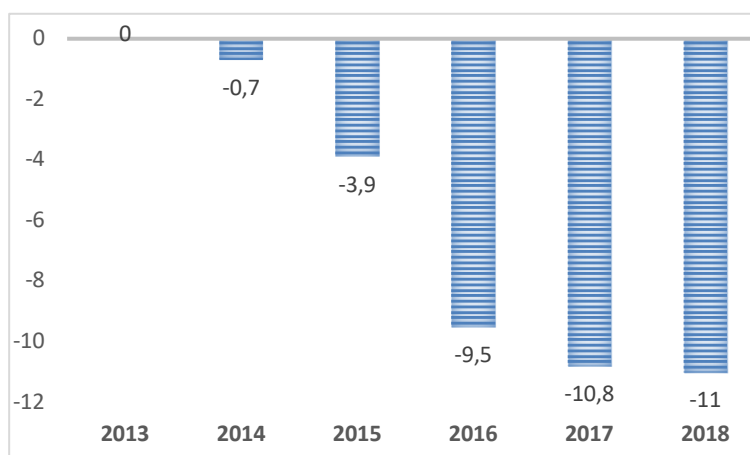
Некоторые исследователи России на тот момент даже утверждали, что аннексия Крыма позволила Кремлю создать новый «социальный контракт» на основе идеологической установки, что Россия является возрожденной великой державой,

призванной нейтрализовать пагубное влияние Соединённых Штатов в мире (Sherlock 2019):

Господин Путин переписал «социальный контракт» в России. Если ранее его основой было экономическое процветание, то теперь – геополитический статус. Если падение экономики – это та цена, которую должны заплатить россияне, чтобы Россия могла противостоять Западу, то пусть так и будет. (Guriev 2016)

Но такие рассуждения не учитывали экономическую ситуацию в России. Вооруженный конфликт в Украине был начат на фоне относительно стабильной экономической ситуации. А в последующие годы из-за совокупного влияния падения мировых цен на нефть и введения экономических санкций экономическое благополучие России значительно пошатнулось. Указанные факторы привели к уменьшению иностранных инвестиций, оттоку капитала и падению реальных доходов граждан (Gurvich & Prilepskiy 2015; см. Рисунок 1).

Рисунок 1. Динамика реальных располагаемых доходов с 2014 по 2018 год

Источник: Росстат

Одновременно с ухудшением экономической ситуации начали меняться и внешнеполитические предпочтения населения. В последовавшие за аннексией Крыма годы россияне выражали все меньшую готовность нести экономические тяготы, вызванные эскалацией противостояния с Западом. Исследования демонстрируют снижение поддержки населением агрессивной внешней политики и вторжения в соседние страны, будь то вызвано противостоянием с США или необходимостью защиты русскоязычного населения от предполагаемой дискриминации за рубежом (Sherlock 2019). Все больше россиян хотело от властей улучшения внутренней социально-экономической ситуации, а не демонстрации «жесткой силы». Например, опрос, проведенный Российской Академией Наук (РАН) в 2014 году (Kommersant 2018), показал, что большинство россиян (67%) на тот момент ассоциировали великодержавный статус главным образом с «военной мощью», и только 47% – с социальной справедливостью. Но уже четыре года спустя, в 2018 году, сходный опрос показал, что только 49% россиян ассоциируют статус великой державы с военной мощью, а большинство, 51%, связывали его с социальной справедливостью (Kommersant 2018). В 2019 году большинство россиян утверждали, что первой и самой

главной задачей правительства должно стать решение проблемы ухудшения материального положения граждан, роста цен и уменьшения эффективности работы системы социального обеспечения, а не война в Сирии, противостояние с Западом и Украиной (Levada Center 2019). Опрошенные россияне не ставили под сомнение важность модернизации вооруженных сил, но выражали недовольство тем, что внешняя политика привела к стагнации экономики, снижению доходов населения (Levada Center 2019).

Другими словами, имеющиеся данные указывают на существование прямой связи между ухудшением экономической ситуации и изменениями во внешнеполитических предпочтениях россиян. Таким образом, мы можем сформулировать следующую гипотезу:

Гипотеза 1: Информация об ухудшающейся экономической ситуации в стране, снижает поддержку агрессивного внешнеполитического курса властей среди россиян

Данные обычных опросов, приведенные выше, не позволяют установить причинно-следственную связь и оценить, насколько сильно именно восприятие экономической ситуации сказывается на внешнеполитических предпочтениях россиян. Другие факторы (например, уменьшение влияния патриотической пропаганды и пр.) тоже могут играть существенную роль. Экспериментальный опрос позволяет ответить на этот вопрос. При таком дизайне исследования респонденты случайным образом распределяются в две группы, одной из которых предоставлена информация об ухудшении экономической ситуации («воздействие»), а вторая, контрольная группа используется для сравнения, чтобы в дальнейшем оценить влияние этого воздействия на искомые переменные (Siedler and Sonnenberg 2010). Во время эксперимента, респондентам предлагали прочесть новостные статьи об экономической ситуации в России. Результаты показали, что изменение восприятия экономической ситуации в стране оказывает влияние на внешнеполитические предпочтения россиян в соответствии с описанной выше логикой.

3.1. Материалы и методы

Для оценки влияния экономических ожиданий на внешнеполитические предпочтения россиян я провела экспериментальный опрос в России в период с 17 по 28 июня 2019 года. Онлайн-опрос был проведен российским Центром независимых социологических исследований, одним из самых уважаемых центров по изучению общественного мнения в России. Выборка из 1203 участников была случайным образом поделена на три группы.

Участники в контрольной группе не получали никакой дополнительной информации. А участникам двух других групп были предоставлены короткие новостные отрывки про общее состояние экономики в России (см. Приложение I). Респонденты в «негативной» группе, на которых сфокусировано наше исследование, получали информацию об ухудшающейся экономической ситуации в стране. Участники «позитивной» группы, наоборот, получали информацию об улучшающейся

экономической ситуации в стране. Эта группа была создана для дополнительного сравнения, на случай если негативное экономическое воздействие не окажет достаточно сильного влияния на оценки респондентов из контрольной группы из-за их осведомленности о плохом состоянии российской экономики (Middleton 2011).

Из этических и методологических соображений обе группы получали информацию из реальных новостных источников, предоставленная респондентам информация походила на обычную новостную заметку. Обе группы получали практически идентичные новостные заметки с незначительно измененными формулировками (для более подробной информации - см. Приложение I). Например, я использовала термин «реальные доходы населения» в статьях для «негативной» группы, вместо термина «реальные зарплаты», который я использовала для «позитивной» группы. Или термин «экономический рост» вместо термина «индекс объема производства».

Анализ результатов проводился на основе двух комбинаций описанных выше групп. Во-первых, ответы, полученные от участников «негативной» группы, сравнивались с ответами контрольной группы, не получившей никакого воздействия. Во-вторых, ответы «негативной» группы, сравнивались с ответами «позитивной» группы, получившей информацию про улучшающуюся экономическую ситуацию в стране (исходя из предположения, что предоставленная информация повлияет на ответы респондентов из этих групп диаметрально противоположным образом). Во втором случае («негативная» против «позитивной» группы) отличие между ответами респондентов из двух групп должна была оказаться более существенной.

3.2. Результаты

Эффективность воздействия

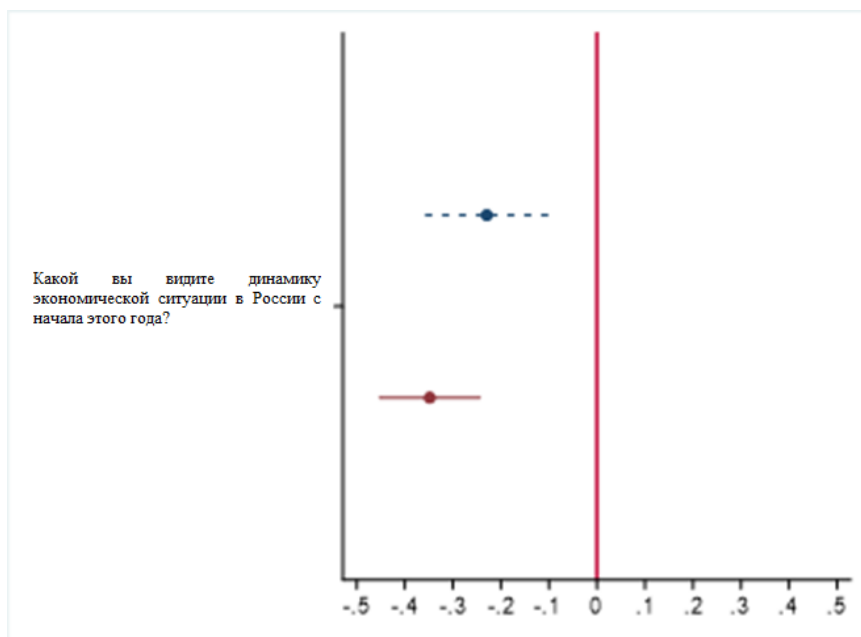
Вопрос на проверку эффективности воздействия был задан в конце опроса:

Какой вы видите динамику экономической ситуации в России с начала этого года?

- существенно ухудшилась
- несколько ухудшилась
- несколько улучшилась
- существенно улучшилась

Результаты проверки эффективности воздействия на восприятие экономической ситуации в стране среди исследуемых групп приведены на Рисунке 2.

Рисунок 2. Проверка эффективности воздействия. Коэффициенты МНК регрессии, 90%-ный доверительный интервал

Модели без контрольных переменных. Стандартные ошибки, кластеризованные по региону проживания респондента. Пунктирная линия соответствует сравнению «негативной» группы с контрольной группой; сплошная линия соответствует сравнению «негативной» группы с отрицательным штрихом и группой с положительным штрихом.

Как свидетельствуют результаты, приведенные на Рисунке 2, в обоих случаях воздействие оказало значительное влияние на восприятие участниками экономической ситуации в России. Оценки экономики оказалась намного хуже у участников группы, получившей информацию про ухудшающуюся экономическую ситуацию в стране (по сравнению с участниками контрольной группы, и группы, которая получала информацию об улучшающейся экономической ситуации). В соответствии с ожиданиями, результаты проявились более отчетливо при сравнении «негативной» и «позитивной» групп (нежели в сравнении «негативной» и контрольной групп).

Пушки и масло

Для изучения внешнеполитических взглядов в контексте дихотомии «пушки против масла», я задала респондентам ряд вопросов, которые наиболее часто используются известными российскими центрами по изучению общественного мнения (например, Левада-Центром) в этом контексте. Вопросы задавались в случайной последовательности (чтобы избежать влияния эффекта порядка).

Скажите, пожалуйста, в какой мере вы согласны или не согласны со следующим утверждением:

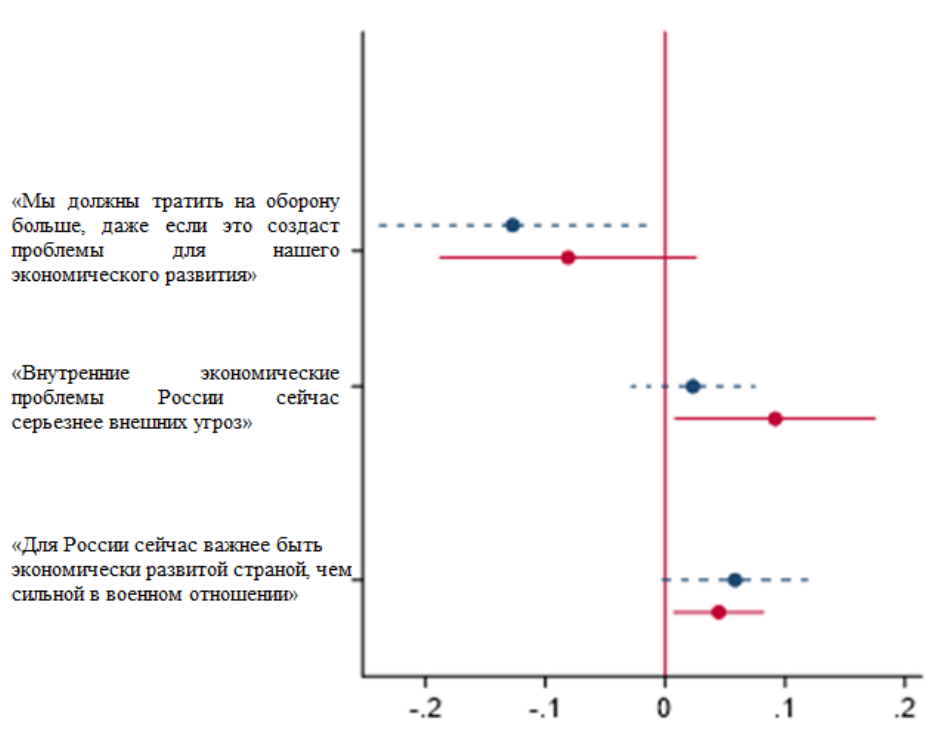
«Мы должны тратить на оборону больше, даже если это создаст проблемы для нашего экономического развития». [1-полностью не согласен; 2-скорее не согласен; 3-скорее согласен; 4 -полностью согласен.]

«Внутренние экономические проблемы России сейчас серьезнее внешних угроз». [1-полностью не согласен; 2-скорее не согласен; 3-скорее согласен; 4 -полностью согласен.]

«Для России сейчас важнее быть экономически развитой страной, чем сильной в военном отношении». [1-полностью не согласен; 2-скорее не согласен; 3-скорее согласен; 4 -полностью согласен.]

Основной анализ проводился с помощью метода наименьших квадратов (МНК) с включением контрольных переменных, в том числе пол респондентов, их возраст, уровень образования и доходов и без них (см. Таблицы 3-4 в Приложении). Оценка робастности полученных результатов проводилась с помощью бинарной и ординальной пробит-моделей с контрольными переменными и без них (см. Таблицы 9-10 в Приложении). Чтобы упростить интерпретацию результатов, коэффициенты, полученные с помощью МНК регрессии, изображены графически на Рисунке 3. Эти данные построены на основе оценки линейной зависимости объясняемой переменной от бинарной переменной воздействия. Точками на графике указана средняя величина эффекта воздействия, а «усы» обозначают 90%-ный доверительный интервал. Пунктирная линия обозначает сравнение ответов участников «негативной» группы с ответами участников контрольной группы. Сплошная линия обозначает сопоставление ответов респондентов из «негативной» группы с ответами респондентов из «позитивной» группы.

Рисунок 3. Влияние информации об ухудшающейся экономической ситуации на внешнеполитические предпочтения респондентов (вопросы, касающиеся дихотомии «пушки-масло»)

Коэффициенты регрессии OLS, 90%-ный доверительный интервал. Модели без контрольных переменных. Стандартные ошибки, кластеризованные по региону проживания респондента.

Пунктирная линия соответствует сравнению «негативной» группы с контрольной группой; сплошная линия соответствует сравнению «негативной» группы с «положительной» группой

Анализ полученных результатов подтверждает Гипотезу I. Ответы участников «негативной» группы в большинстве случаев значительно отличаются от ответов респондентов из контрольной группы. Результаты проявляются еще более отчетливо, если сравнивать «негативную» группу с «позитивной», а не с контрольной группой.

В частности, при получении информации об ухудшении экономической ситуации, участники были менее склонны поддерживать увеличение расходов на оборону, если это может создать препятствия для экономического развития. В Таблице 4 (см. Приложение) отражено снижение поддержки расходов на оборону на 0,1 пункта по шкале от 1 до 4, то есть порядка 3%. Кроме того, участники «негативной» группы были более склонны соглашаться с тезисом, что внутренние экономические проблемы России сейчас серьезнее внешних угроз. Изменение в ответах между группами составило 0,1 пункта по шкале от 1 до 4, или около 3%. Наконец, участники «негативной» группы также отдали предпочтение высокому уровню жизни в России в противовес наращиванию военной мощи (изменение составило около 0,05 пункта по шкале от 0 до 1, или около 5%, см. Таблицу 4).

Великая держава

Для изучения другого популярного внешнеполитического концепта, широко распространяемого кремлевской пропагандой – *великодержавного статуса России*, я включила в исследование несколько дополнительных вопросов. Они были сформулированы на основе вопросов, наиболее часто используемых известными российскими центрами по изучению общественного мнения (например, ВЦИОМ и Левада-Центром). Вопросы задавались в случайной последовательности для минимизации эффекта порядка.

Как вы думаете, является ли Россия сегодня великой державой? [1 - определенно нет; 2 - скорее нет; 3 - скорее да; 4 - определенно да.]

Для великой державы важнее иметь развитую современную экономику или мощные вооруженные силы? [- иметь мощные вооруженные силы; 1- иметь развитую современную экономику].

Для того, чтобы повторить упомянутое выше исследование РАН, я также попросила участников выбрать то, чего, по их мнению, необходимо добиться России, чтобы стать великой державой. Респондентам предложили десять вариантов ответа (на выбор):

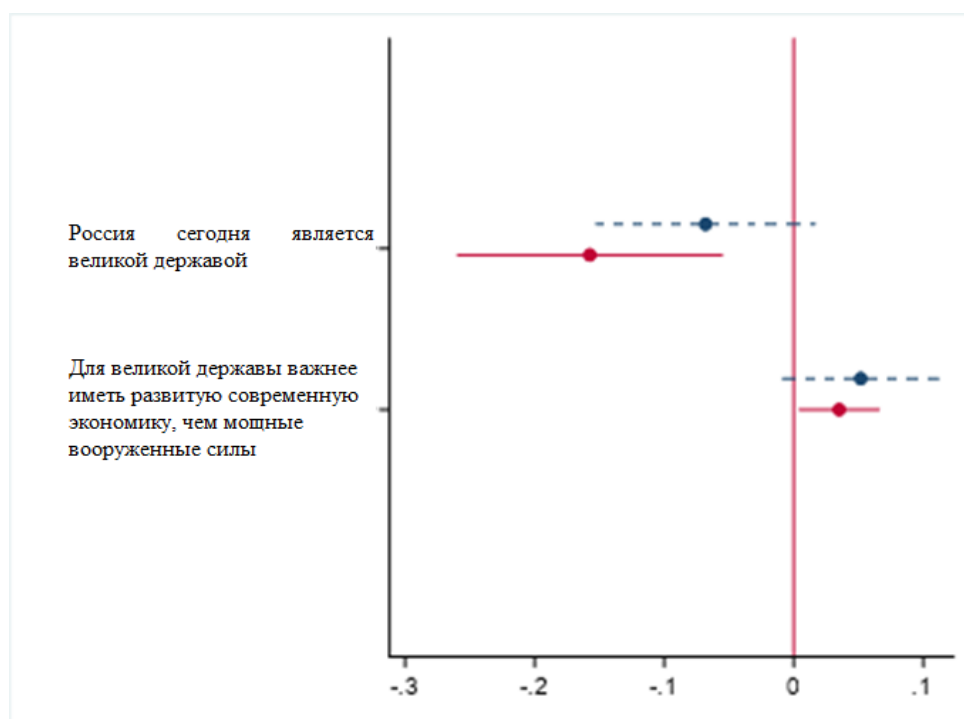
Чего должна добиться Россия, чтобы считаться великой державой? (не более 2-х вариантов):

- *Иметь развитую современную экономику*
- *Иметь мощные вооруженные силы*
- *Обеспечить высокий уровень благосостояния граждан*
- *Развивать науку, внедрять высокие технологии*

- Стать мировым центром влияния, способным регулировать международные конфликты
- Получить контроль над территориями, ранее входившими в состав России и СССР
- Возродить высокий уровень русской культуры и национального духа
- Стать ведущим государством в области энергетики
- Стать «цивилизационным» мостом между Европой и Азией, между развитыми странами и «третьим миром»
- Соблюдать нормы демократии и прав человека, принятые в цивилизованном мире

Для упрощения интерпретации результатов, на Рисунке 4 разница в ответах на этот вопрос между разными группами респондентов отображена графически (см. также Таблицы 5 и 7 в Приложении). Для оценки робастности: приведены бинарная пробит-модель и ординальная пробит-модель с включением контрольных переменных и без (см. Таблицы 11 и 13 в онлайн-приложении).

Рисунок 4. Влияние информации об ухудшающейся экономической ситуации на внешнеполитические предпочтения респондентов (вопросы, касающиеся великодержавного статуса России)

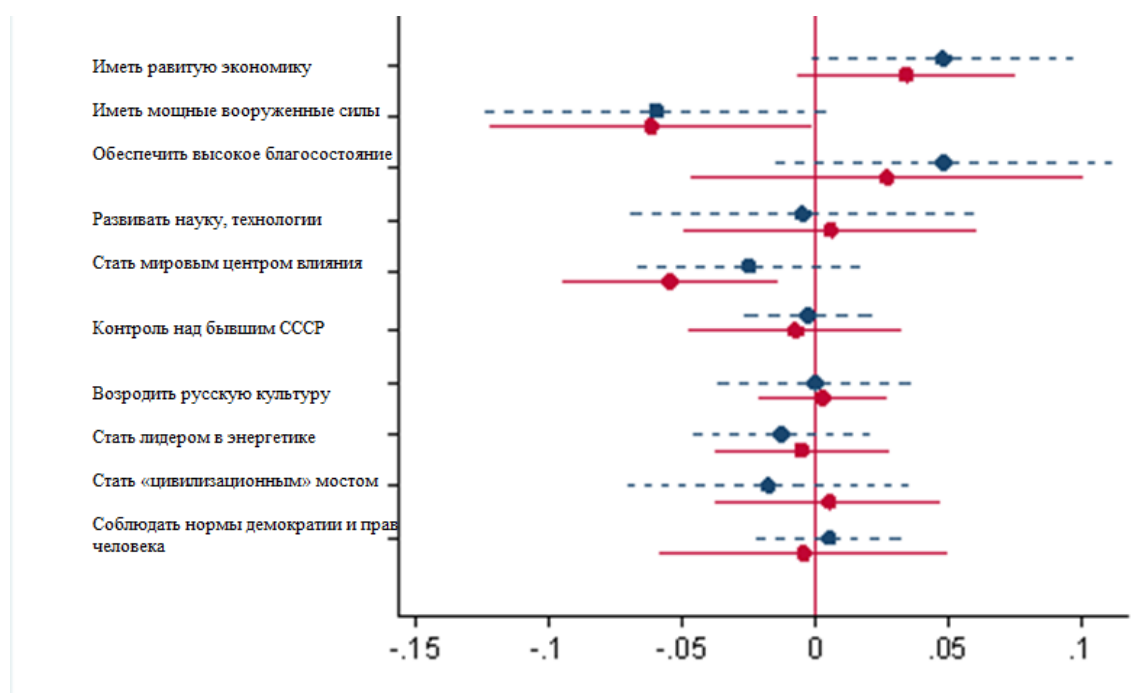
Коэффициенты регрессии OLS, 90%-ный доверительный интервал. Модели без контрольных переменных. Стандартные ошибки, кластеризованные по региону проживания респондента. Пунктирная линия соответствует сравнению «негативной» группы с контрольной группой; сплошная линия соответствует сравнению «негативной» группы с «положительной» группой.

Результаты соответствуют исходным ожиданиям. Участники «негативной» группы оказались менее склонны верить в то, что Россия является великой державой, по сравнению с участниками контрольной и «позитивной» групп. Информация об ухудшающейся экономической ситуации в стране также повысила число ответов, что главным приоритетом для государства должно стать развитие современной экономики, а не увеличение военной мощи. Мнения участников контрольной и «позитивной» групп отличались статистически значимо.

Разница во ответах особенно заметна при сравнении результатов группы с негативным информационным воздействием, и группы, получившей информацию об улучшении экономики. Данные, которые приведены в Таблице 7 (см. Приложение), свидетельствуют, что при получении информации об ухудшении экономической ситуации, респонденты были менее склонны считать Россию великой державой (эта оценка снизилась на 0,15 пункта по шкале от 1 до 4, около 5% диапазона шкалы). То есть участники эксперимента считали развитую современную экономику более важным фактором для достижения Россией статуса великой державы, чем мощные вооруженные силы (падение показателя составило 0,04 пункта по шкале от 0 до 1, или около 4%).

Наконец, на Рисунке 5 представлены ответы на вопрос, чего должна добиться Россия, чтобы считаться великой державой (Таблицы 6 и 8 Приложения содержат данные МНК регрессий, а Таблицы 12 и 14 – данные пробит-регрессий, соответственно).

Рисунок 5. Влияние информации об ухудшающейся экономической ситуации на внешнеполитические предпочтения респондентов (ответ на вопрос: «Чего должна добиться Россия, чтобы считаться великой державой?»)

Коэффициенты регрессии OLS, 90%-ный доверительный интервал. Модели без контрольных

переменных. Стандартные ошибки, кластеризованные по региону проживания респондента. Пунктирная линия соответствует сравнению «негативной» группы с контрольной группой; сплошная линия соответствует сравнению «негативной» группы с «положительной» группой.

Результаты во многом перекликаются с теми, что были получены в ходе предыдущего анализа. Рисунок 5 демонстрирует значительное снижение поддержки мощных вооруженных сил среди участников «негативной» группы, получивших информацию об ухудшающейся экономической ситуации в стране (в сравнении с участниками других групп). Например, из Таблицы 8 (Приложение) следует, что воздействие привело к падению уровня поддержки мощных вооруженных сил на 0,06 пункта (около 6%). Я также обнаружила снижение числа тех, кто верит в необходимость для России «стать мировым центром влияния, способным регулировать международные конфликты», чтобы считаться «великой державой». Данные Таблицы 8 свидетельствуют о снижении числа сторонников этого тезиса на 0,05 пункта (на 5%) среди тех, кто получил информацию об ухудшении экономической ситуации в России.

Рисунок 5 также свидетельствует об увеличении числа тех, кто верит в необходимость развитой современной экономики для достижения Россией великодержавного статуса среди участников «негативной» группы в сравнении с двумя другими группами. В этой группе также выросло число респондентов, считающих важной способность государства обеспечить высокий уровень жизни граждан. Но эти результаты не являются статистически значимыми.

В целом, полученные результаты подтверждают Гипотезу I. Информация об ухудшающейся экономической ситуации в стране существенно снижает поддержку экспансионистской внешней политики среди участников исследования. Респонденты в «негативной» группе менее склонны поддерживать агрессивные внешнеполитические установки, связанные с милитаризацией страны и великодержавной идеологией.

4. Заключение и последующие шаги

В данном исследовании я обнаружила значительное влияние оценки экономической ситуации в стране на внешнеполитические предпочтения респондентов. Получив информацию об ухудшающейся экономической ситуации, участники эксперимента были склонны отдавать приоритет социальным расходам и экономическому росту, а не расходам на оборону, уменьшалась их вера в то, что Россия является великой державой.

Результаты проявляются более отчетливо при сравнении ответов участников «негативной» группы с участниками «позитивной» группы, получившей информацию об улучшающейся экономической ситуации в стране, нежели чем при сопоставлении с контрольной группой. Среди прочего, это может означать, что в случае улучшения макроэкономической ситуации, общественное мнение может измениться в противоположном направлении, в сторону большей поддержки агрессивной внешней политики.

Подведем итоги. Данное исследование устанавливает прямую зависимость между информацией об ухудшении экономики и меньшей склонностью россиян поддерживать милитаристские установки. Данные результаты согласуются с более ранними исследованиями, которые описывают россиян, как вполне рациональных избирателей, чей уровень поддержки властей зависит от их ретроспективных оценок экономической ситуации в стране.

Стоит упомянуть о границах интерпретации результатов этого исследования. Во-первых, величина обнаруженного эффекта колеблется в пределах 3-6%, в зависимости от переменной. И, в большинстве случаев, доверительный интервал полученных оценок составляет всего 90%. Хотя интернет-эксперименты обычно занижают эффект воздействия в сравнении с оффлайн-экспериментами (Krantz & Dalai 2000), при интерпретации результатов стоит учитывать не очень большой размер обнаруженных эффектов. В частности, хотя мое исследование и демонстрирует, что участники «негативной» группы намного меньше склонны поддерживать агрессивные внешнеполитические метанарративы, остается неясным: достаточно ли силен этот эффект, чтобы побороть влияние феномена объединения вокруг лидера, «rally around the flag». Недавние исследования, использовавшие оффлайн-эксперименты для изучения влияния санкций на общественное мнение в России (Frye 2019; Alexseev & Hale 2020; Sirotkina & Zavadskaya 2020), обнаружили, что эффект аннексии Крыма был сильнее негативного влияния экономических санкций, как минимум в 2015-17 годы, когда эти исследования проводились. Мое исследование показывает эффект ухудшающейся макроэкономической ситуации на ослабление поддержки агрессивной внешней политики. Но по-прежнему неясно, достаточно ли этого эффекта для подавления эффекта «rally around the flag» (и экспансионистских амбиций российского руководства на международной арене).

Второе ограничение моего исследования связано с тем, что я использовала несколько формулировок, которые явно демонстрируют связь между внешней политикой и экономикой (например, «*Мы должны тратить на оборону больше, даже если это создаст проблемы для нашего экономического развития*» или «*Для великой державы важнее иметь развитую современную экономику или мощные вооруженные силы?*»). Соответственно, выводы из полученных результатов применимы только к тем вопросам внешней политики, которые в глазах россиян окажут негативное влияние на внутриэкономическую ситуацию. Во второй части моего исследования я попыталась обойти данные ограничения, задав респондентам вопросы, которые не содержат явной отсылки к экономическим издержкам обсуждаемых внешнеполитических тем: «*Как вы думаете, является ли Россия сегодня великой державой?*» и «*Чего должна добиться Россия, чтобы считаться великой державой?*». Ответы на оба вопроса подчиняются той же закономерности, которую продемонстрировали и другие формулировки вопросов: участники «негативной» группы намного менее склонны поддерживать агрессивные внешнеполитические метанарративы.

Будущие исследования должны продолжить изучение данных вопросов, желательно измеряя влияние восприятия экономической ситуации на внешнеполитические предпочтения с помощью оффлайн-экспериментов (вместо

интернет-экспериментов) и с использованием вопросов о поддержке агрессивной внешней политики без прямой увязки с состоянием экономики. Такой подход позволит установить более четкую связь между восприятием экономики респондентами и поддержкой агрессивной внешней политики.

Примечания

1. Вслед за воздействием (статьи с информацией о состоянии экономики) участникам обеих экспериментальных групп были заданы два вопроса о содержании статьи с целью оценить, поняли ли они содержание статьи, и насколько она заслуживает доверия в их глазах. Во время этих вопросов сама статья оставалась на экране (в сокращенной форме, с возможностью расширения полного обзора при нажатии на нее). Вопросы формулировались следующим образом: «Как вы поняли содержание прочитанного отрывка из статьи?»; «Насколько интересным вам показалось содержание данного отрывка из статьи?».

Bibliography:

- Alexseev, M.A., and H.E. Hale. (2020). Crimea Come What May: Do Economic Sanctions Backfire Politically? *Journal of Peace Research* 57(2): 344–359.
- Aron, Leon. (2017). The Kremlin Emboldened: Putinism after Crimea. *Journal of Democracy* 28(4): 76–79.
- Burris, Val. (2008). From Vietnam to Iraq: Continuity and Change in Between-Group Differences in Support for Military Action. *Social Problems* 55(4): 443–479.
- Converse, Philip E. and Howard Schuman. (1970). 'Silent Majorities' and the Vietnam War. *Scientific American* 222: 17–25.
- Coser, Lewis A. (1956). *The Function of Social Conflict*. New York: Free Press.
- Fearon, J. D. (1994). Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes. *American Political Science Review* 88: 577–592.
- Frye, Timothy. (2019). Economic Sanctions and Public Opinion: Survey Experiments from Russia. *Comparative Political Studies* 52(7): 967–994.
- Gerber, Theodore P. (2015). Foreign Policy and the United States in Russian Public Opinion. *Problems of Post-Communism* 62(2): 98–111.
- Goble, Paul. (2019). Impulses behind Stalin's Anti-Cosmopolitan Campaign Haven't Disappeared. *Window on Eurasia—New Series*.
- Guriev, Sergei, and Daniel Treisman. (2019). Informational Autocrats. *Journal of Economic Perspectives*, 33(4): 100–127.
- Guriev, Sergei. (2016). In Russia, It's Not the Economy, Stupid. *The New York Times*, December 25, <https://www.nytimes.com/2016/12/25/opinion/in-russia-its-not-the-economy-stupid.html> (accessed March 10, 2021).
- Gurvich, Evsey, and Ilya Prilepskiy. (2015). The Impact of Financial Sanctions on the Russian Economy. *Russian Journal of Economics* 1(4): 359–385.
- Hale, Henry E. (2011). The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime. *Europe-Asia Studies* 63(8): 1357–1375.

- Hale, Henry E. (2018). How Crimea Pays: Media, Rallying 'Round the Flag, and Authoritarian Support. *Comparative Politics* 50(3): 369–391.
- Jennings, Nathan, Amos Fox, and Adam Taliaferro. (2018). The US Army Is Wrong on Future War. *Modern War Institute at West Point*, December 18, <https://mwi.usma.edu/us-army-wrong-future-war/> (accessed March 10, 2021).
- Kazun, Anastasia. (2016). Framing Sanctions in the Russian Media: The Rally Effect and Putin's Enduring Popularity. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 24(3): 327–350.
- Kolesnikov, Andrei. (2015). Russian Ideology after Crimea. *Carnegie Endowment for International Peace*, September, https://carnegieendowment.org/files/CP_Kolesnikov_Ideology2015_web_Eng.pdf (accessed March 10, 2021).
- Kommersant. (2018). Blagopoluchie dorozhe velichiya [from Rus.: Well-being above Greatness]. *Kommersant*, № 203, November 6, <https://www.kommersant.ru/doc/3792003> (accessed March 10, 2021).
- Krantz, J.H., and R. Dalai. (2000). *Validity of Web-Based Psychological Research In Psychological Experiments on the Internet*, ed. M. H. Birnbaum. San Diego: Academic Press, 35–60.
- Laruelle, M. (2014). Russian Nationalism and Ukraine. *Current History* 113: 272–277.
- Rossija – zapad: vospriyatie drug druga v predstavlenijah rossijan [Russia and the West: How Russians Think the West and Russia View Each Other.] *Levada Center*, June 26, <https://www.levada.ru/2015/06/26/rossiya-zapad-vospriyatie-drug-druga-v-predstavleniyah-rossijan/> (accessed March 16, 2021).
- Levada Center. (2019). Epokha razvitogo militarizma [The Epoch of Developed Militarism]. *Levada Center*, May 14, <https://www.levada.ru/2019/05/14/epoha-razvitogo-militarizma/?fbclid=IwAR0u05jTlMDVxdFw0cSjCp0rkAtczUKO5BLggf6G5gzklKmtbFf4ywhJ4Ow> (accessed March 10, 2021).
- Levendusky, M. S., and Horowitz, M. C. (2012). When Backing Down Is The Right Decision: Partisanship, New Information, And Audience Costs. *The Journal of Politics* 74: 323–338.
- Losman, Donald L. (1979). *International Economic Sanctions: The Cases of Cuba, Israel, and Rhodesia*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Mankoff, Jeffrey. (2011). *Russia: The Return of Great Power Politics*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- McFaul, Michael. (2018). *From Cold War to Hot Peace: An American Ambassador in Putin's Russia*. New York: Houghton Mifflin Harcourt.
- Middleton, Joel A. (2011). *What Do We Know about Economic Voting?* Ph.D. dissertation, Yale University.
- Morgan, T. C., and Schwebach, V. L. (1992). Take Two Democracies And Call Me In The Morning: A Prescription For Peace? *International Interactions: Empirical and Theoretical Research in International Relations* 17: 305–320.
- Oakes, Amy. (2006). Diversionary War and Argentina's Invasion of the Falkland Islands. *Security Studies* 15(3): 431–463.
- Oxenstierna, Susanne. (2016). Russia's Defense Spending and the Economic Decline. *Journal of Eurasian Studies* 7(1): 60–70.
- Pape, Robert. (1997). Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security* 22(2): 90–136.
- Parker, John W. (2015). *Understanding Putin through a Middle Eastern Looking Glass*. Washington, DC: National Defense University Press.
- Parker, Suzanne L. (1995). Towards an Understanding of "Rally" Effects: Public Opinion In The Persian Gulf War. *Public Opinion Quarterly* 59(4): 526–546.

- Patchen, M. (1970). *Participation, Achievement, and Involvement on the Job*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Pomerantsev, Peter, and Michael Weiss. (2014). *The Menace of Unreality: How the Kremlin Weaponizes Information, Culture, and Money*. New York: Institute of Modern Russia.
- Potter, P. B. K., and Baum, M. A. (2010). Democratic Peace, Domestic Audience Costs, and Political Communication. *Political Communication* 27: 453–470.
- Radin, Andrew, Lynn E. Davis, Edward Geist, Eugeniu Han, Dara Massicot, Matthew Povlock, Clint Reach, et al. (2019). *The Future of the Russian Military: Russia's Ground Combat Capabilities and Implications for U.S.-Russia Competition*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3099.html (accessed March 10, 2021).
- Rogov, Kirill. (2016). Crimean Syndrome: Mechanisms of Authoritarian Mobilization. *Russian Politics & Law* 54(1): 28–54.
- Rutland, Peter. (2015). An Unnecessary War: The Geopolitical Roots of the Ukraine Crisis. *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*: 129-140.
- Safire, William. (1968). *The New Language of Politics: An Anecdotal Dictionary of Catchwords, Slogans, and Political Usage*. New York: Random House.
- Sherlock, Thomas. (2019). Russian Society and Foreign Policy: Mass and Elite Orientations after Crimea. *Problems of Post-Communism* 67(1): 1–23.
- Shevtsova, Lilia. (2015). The Authoritarian Resurgence: Forward to the Past in Russia. *Journal of Democracy* 26(2): 22–36.
- Siedler, T., and Sonnenberg, B. (2010). *Experiments, Surveys and the Use of Representative Samples as Reference Data*. (Tech. Rep. No. 146). German Council for Social and Economic Data (RatSWD). Berlin.
- Simmel, Georg. (1955). *Conflict*. Glencoe, IL: Free Press .
- Sirotkina, Elena, and Margarita Zavadskaya. (2020). When the Party's Over: Political Blame Attribution under an Electoral Authoritarian Regime. *Post-Soviet Affairs* 36(1): 37–60.
- Snegovaya, M. (2015). Putin's Information Warfare in Ukraine: Soviet Origins of Russia's Hybrid Warfare. *Russia Report* 1, <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/Russian%20Report%201%20Putin's%20Information%20Warfare%20in%20Ukraine-%20Soviet%20Origins%20of%20Russias%20Hybrid%20Warfare.pdf> (accessed March 10, 2021).
- Snegovaya, Maria. (2020). What Factors Contribute to the Aggressive Foreign Policy of Russian Leaders? *Problems of Post-Communism* 67(1): 93–110.
- Sperling, Valerie. (2003). The Last Refuge of a Scoundrel: Patriotism, Militarism, and the Russian National Idea. *Nations and Nationalism* 9(2): 235–253.
- Stoycheff, Elizabeth, and Erik C. Nisbet. (2016). Priming the Costs of Conflict? Russian Public Opinion about the 2014 Crimean Conflict. *International Journal of Public Opinion Research* 29(4): 657–675.
- Svolik, Milan. (2012). *The Politics of Authoritarian Rule*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tomz, Michael R., and Jessica L.P. Weeks. (2013). Public Opinion and the Democratic Peace. *American Political Science Review* 107(4): 849–865.
- Treisman, Daniel. (2014). Putin's Popularity since 2010: Why Did Support for the Kremlin Plunge, Then Stabilize? *Post-Soviet Affairs* 30(5): 370–388.
- Trenin, Dmitrii. (2013). Russia's New Anti-Americanism. *Carnegie Europe*, May 24, <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/51894> (accessed Marh 10, 2021).

- Tsyrlina-Spady, Tatyana, and Michael Lovorn. (2015). Patriotism, History Teaching, and History Textbooks in Russia: What Was Old Is New Again. In *Globalisation, Ideology, and Politics of Education Reforms*, ed. Joseph Zajda. Cham: Springer, 41–57.
- Woodwell, D. (2007). *Nationalism in international relations: Norms, foreign policy, and enmity*. New York: Springer.
- Yudina, Anna. (2015). *The Rally 'Round the Flag Effect in Russia: How an International Crisis Turns Regime Opponents into Regime Supporters*. M.A. thesis, University of North Carolina.